
Смысл как междисциплинарный объект*

© 2021 г. М.А. Кузьмина

*Лаборатория вербальных культур Сибири и Дальнего Востока, Институт филологии СО РАН,
Новосибирск, 630090, ул. Николаева, д. 8.*

E-mail: mash_room@mail.ru

Поступила 05.12. 2020

В статье рассматриваются пути междисциплинарных взаимодействий при изучении смысла – сложного для анализа объекта, «промежуточного» между микроуровнем индивидуального сознания и макроуровнем общественных установлений. Показаны возможности применения социологических и психологических парадигм к анализу смысла как единицы языкового сознания. В этом статусе смысл традиционно является объектом психолингвистики, и его вербализованные акцентуации (то есть изменяющиеся во времени значения) улавливаются в результатах массовых ассоциативных экспериментов. В статье исследуются особые свойства смысла, такие как «открытость» одновременно и индивидуальному сознанию, и социальным институтам; внешняя обусловленность системности; бимодальность, или аутопойезис, то есть способность одновременно быть элементом и принципом организации системы. Благодаря этим свойствам смысла психолингвистические методы можно сочетать с подходами других наук, а также применять интегративную методологию. Продемонстрированы возможности междисциплинарных подходов с точки зрения источников порождения смыслов: ими выступают социальные акторы, социальные институты или личности.

Ключевые слова: смысл, междисциплинарный подход, аксиологическая психология, институционализм, мезоанализ, языковая личность.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-130-141

Цитирование: Кузьмина М.А. Смысл как междисциплинарный объект // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 130–141.

* Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Автор благодарит за ценные замечания, высказанные в ходе обсуждения статьи, С.Г. Кирдину-Чэндлер, И.В. Шапошникову и анонимного рецензента.

The Meaning as a Subject of Interdisciplinary Studies*

© 2021 Maria A. Kuzmina

Laboratory of the Verbal Cultures of Siberia and the Far East, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

E-mail: mash_room@mail.ru

Received 05.12.2020

The paper discusses the interdisciplinary studies of the meaning. Being a difficult object to analyze, the meaning could be considered as an «intermediate» between the micro-level of individual consciousness and the macro-level of social institutions. The paper shows the possibilities of sociological and psychological paradigms in the analysis of the meaning as a unit of language consciousness. Thus represented, the meaning is a traditional subject of psycholinguistics. The meanings changeable in time are captured in the results of mass associative experiments. The paper studies the special properties of the meaning, such as «openness» at the same time to the individual minds and to social institutions; external conditionality of consistency; bimodality, or autopoiesis, which is the ability to simultaneously be an element and a principle of system organization. Due to these properties of the meaning it is possible to combine psycholinguistic methods with approaches from other sciences, as well as to use an integrative methodology. The paper demonstrates the possibilities of interdisciplinary approach from the perspective of the sources of the meanings, including social actors, social institutions or individuals.

Keywords: meaning, interdisciplinary approach, axiological psychology, institutional matrix, mesoanalysis, linguistic personality.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-130-141

Citation: Kuzmina, Maria A (2021) “The Meaning as a Subject of Interdisciplinary Studies”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2021), pp. 130–141.

Науки о человеке и обществе (психология, социология, филология и т.д.), прежде претендовавшие на независимость от философии, всё более «философизируются» [Лекторский 2017, 142], что служит основой междисциплинарных подходов к изучению смысла.

Смысл как исследовательский объект и единица анализа обладает некоторым сопротивлением и с трудом поддается научному рассмотрению. Смысл сам задает критерии его изучения, к которым относится «методологическое сознание ученого, четко фиксирующее требования к определению смыслов познанного» [Пружинин 2019, 17]. Поэтому исследование смысла как носителя новых содержаний нуждается в сочетании аналитического и синтетического типов мыслительных операций, что делает его естественным объектом междисциплинарных исследований.

* The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract No. 075-15-2019-1884.

Интегральная роль смысла как предмета гуманитарных наук

Начиная с М. Вебера и его трактовки социологического объекта как «смысловой связи действия», а также в теории действия Ю. Хабермаса и в рамках феноменологической социологии А. Шютца западная социология в ее субъективистской парадигме отводила центральную роль социальному действию как носителю смыслов. Теория (речевой) деятельности, разработанная в трудах основателей отечественной школы психологии Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева и др., также объясняет смысловую структуру сознания через деятельность, через взаимодействие «Я – Другой». Несмотря на то что М. Вебер отмечал, что «у социологии нет каких-либо... более близких отношений к психологии, чем к другим дисциплинам» [Вебер web], нам представляется, что именно пересечение предметностей данных наук может стать «многомерной онтологией» (В. Франкл) смысла как междисциплинарного объекта.

В современной гуманитарной науке проблемы смысла рассматриваются в коммуникативном аспекте. В рамках теории коммуникации, как предположил Н. Луман, становится возможным интегрировать знание о социальных и психологических системах. По традиции, он выделяет в коммуникации три основания: информация, сообщение и понимание. Но, в отличие от предшественников, Луман отмечает, что эти три части – не составные элементы, а «селекции», находящиеся «в циркулярном смысле взаимного обусловливания» [Луман web] и сосуществуют одновременно и неразрывно. Эта интерпретация коммуникации ключевым образом отличается от постулатов теории речевых актов [Остин 1986], а также от значимостей Ю. Хабермаса [Хабермас 2001], которые «управляют» переносом информации. По Луману, ничто никому не переносится: «коммуникация рождает память» и возникает как некоторая избыточность, действующая эмерджентно. «Система как будто пульсирует, постоянно создавая избыток и производя селекцию» [Луман web]. Для современных психолингвистов понятие эмерджентности имеет методологическое значение: «Смысловая эмерджентность – характерная черта семантических процессов в ассоциативно-вербальной сети. Языковая личность и есть интегратор этой эмерджентности» [Шапошникова 2020, 188].

Развитие представления о языковой личности, языковом сознании представлено в работах Ю.Н. Караулова [Караулов 1987], А.А. Залевской [Залевская 2014] и трудах Московской психолингвистической школы (подробнее см., например [Уфимцева 2011; Бубнова и др. 2017; Шапошникова 2020]). Массовые ассоциативные эксперименты, проводившиеся на протяжении нескольких десятилетий, позволяют увидеть и проанализировать динамику смысловых акцентуаций (изменение структуры значений, представленных в виде ассоциативных полей) «усредненного» языкового сознания носителя русского языка.

Сложность «языкового сознания» как объекта психолингвистики отражена в двусоставности этого термина, обе составляющие которого не являются четко определяемыми. По мнению А.А. Залевской, «если в фокусе сознания находится именно *языковое* явление как таковое, то сознание оказывается не языковым, а метаязыковым»; если сознание «именуется вербальными средствами», то оно в то же время конституируется широкой сетью связей, которые невозможно проследить ввиду многоплановости выражаемых ими концепций [Залевская 2014, 213]. Те же гносеологические проблемы, связанные с понятием языкового сознания, отмечены и А.А. Яковлевым [Яковлев 2019, 158]. С одной стороны, есть точка зрения, что «всё, растворимое сознанием, претворяется в слово» (Флоренский), цит. по [Пружинин 2019, 18]. С другой стороны, отмечается, что языковым концептам предшествует неязыковая концептосистема [Павиленис 1984], которая, подобно настройкам голосового Гугл-сервиса, работающим в режиме приема команды «ОК, Google», является основой-субстратом для порождения языковых концептов.

Создатель феноменологической социологии и последователь Э. Гуссерля А. Шютц призывал различать феноменологию и онтологию и «проводить различие между полаганием смыслов и полаганием объектов» [Шютц 2003, 27]. Психолингвистика возникла

также из понимания подобной дихотомии *de re* и *de dicto*: «лингвист анализирует слово как *имя* вещи, а для носителя языка существенно прежде всего имя *вещи* как таковой, к тому же включенной в некоторую ситуацию и увязываемой с определенным эмоционально-оценочным отношением-переживанием» [Залевская 2014, 15]. Эти «переживания» как «феноменологические объекты» (А. Шютц), вербализованные как «имена *вещей*» (А.А. Залевская) и образуют ту феноменологическую реальность, которая доступна в ассоциативных экспериментах.

«Существенный методологический минус точки зрения на языковое сознание с сугубо индивидуальных позиций состоит в том, что она не позволяет выявить составляющие языковое сознание единицы и их связи, а также лишь указывает на предметную область, но не выявляет закономерности ее изменения именно в силу отсутствия в определении внешних и внутренних связей» [Яковлев 2019, 161]. Это замечание находит отклик в наших поисках преодоления противоречивости и в стремлении описать «двуплановость» смысла – открытость к внутреннему плану индивида и внешним социальным связям. Являясь как *единицей* системы (языка и общества), так и *связью*, обеспечивающей системность, смысл ускользает от принятых в каждой науке по отдельности методов анализа. «Тенденция проследить проявляющееся в языке отражение в индивидуальном сознании внешних по отношению к нему предметов» показывает «стремление учёных нащупать понятие, которое связывало бы два аспекта языка (индивидуальный и социальный)» [там же].

Социальная обусловленность языкового сознания может быть продемонстрирована с помощью методов социальных наук, и здесь предметом анализа являются смыслы, которые регулируют социальное поведение. При анализе социальных подходов к анализу смысла важным представляется не смешивать парадигмы – субъективистскую и объективистскую, поскольку «многие заблуждения в социальных науках могут быть объяснены смещением субъективной и объективной точек зрения, которое возникает – незаметно для исследователя – в процессе научной работы при переходе с одного уровня на другой» [Шютц 2003, 101]. Обращение к социологическим подходам с целью изучения социальной обусловленности языкового сознания выявляет приверженность исследователей субъективистской или объективистской парадигме. Мы покажем это на примере современных социологических подходов – культуральной социологии Дж. Александера, акторно-сетевой теории Б. Латура и институциональном подходе (Д. Норт, С.Г. Кирдина-Чэндлер).

Социальные акторы как производители смыслов

Представление об акторах как об источниках социальных изменений восходит к субъективистской парадигме социологии М. Вебера. Настоящая социология, по Веберу, начинается с вопроса о том, какие *мотивы* заставляют субъектов вести себя так, что некоторая общность продолжает существовать [Вебер web]. Идеал для Вебера – это то, что в среднем ожидается от конкретной ситуации, и с этой точки зрения выглядит закономерным интерпретировать психолингвистические эксперименты с данной позиции «усреднённости». Одно и то же слово, как нам показывает психолингвистика, имеет разный «внутренний свернутый смысл» (А.Р. Лурия), и об этом же говорит Вебер: «Мы отнюдь не утверждаем, что участники взаимно настроенных действий в конкретном случае вкладывают *одно и то же* смысловое содержание в социальное отношение... “Дружба”, “любовь”, “благочестие”, “верность договору”, “чувство национальной общности”, которые есть у одной стороны, могут натолкнуться на настроенность совершенно иного рода у другой стороны» [там же]. Но как разрешаются противоречия, вызванные непониманием? У Вебера и его последователей, в том числе Дж. Александера и Б. Латура, это – «свободное соглашение»: «смысловое содержание социального отношения может быть согласовано обоюдным согласием» [там же]. Как мы попытаемся показать далее, гипостазирование социальных акторов как способных к полному контролю над смыслами приводит к констатации преимущественного права

«всечеловеческого» идеала (идеал при этом выступает как «земное, полнокровное жизнезиявление каждого живого человека» [Ильенков 2017, 15]) над исторически сложившимся культурным своеобразием обществ, тогда толерантность становится главной ценностью «всего человечества» и позволяет ставить вопрос о возможном устранении культурных различий, «которые могут быть помехой при коммуникации представителей разных культур» [Иванов 2011, 24].

Обратимся к рассмотрению концепций известных социологов Дж. Александра и Б. Латура, общей чертой которых является внимание к социальным акторам как причинам социальных изменений.

Дж. Александр считает смысловую структуру результатом не происходящих событий, а того, каким образом эти события кодируются в культуре – социальном тексте, который интерпретируется в рамках нарратива, то есть той герменевтической «рамки», которая задается субъектами, владеющими средствами для создания и распространения смыслов и символов [Alexander 2003, 92]. Творцы смыслов (мифов, символов) – социальные акторы – кодируют события и создают культуру.

Б. Латур изучает общество с помощью «акторной сети»: общество не предзадано, а как бы создается описанием акторов и связей между ними. Культура, по Латуру, «одновременно и то, что побуждает людей действовать, абсолютная абстракция, созданная взглядом этнографа, и то, что творится здесь и сейчас неиссякающей изобретательностью участников взаимодействия» [Латур 2014, 235]. В чем тогда задача науки? «Науки являются одними из наиболее внушительных средств для убеждения людей в том, кем они являются и чего им следует хотеть» [Латур 2002, 4]. Ученые «работают над вещами, способными изменить образ жизни множества людей» [там же, 28] и «открыть мужчинам и женщинам мифы, которыми они мыслят, чтобы они в ответ могли создать новые мифы» [Alexander 2003, 4].

Б. Латур считал, что социология должна равняться на метрологию в том понимании, что локальное захватывает глобальное, подобно локально принятым единицам измерения в естественных науках, распространившимся по всему миру. Б. Латур теоретически описал «метрологический» принцип создания смыслов в культуре, тогда как фактическое его воплощение уже было представлено в книге Дж. Александра [Alexander 2003]. Смыслы создаются путем кодирования значимых, вызывающих эмоциональный отклик событий и связанный с ним «ценностный резонанс». Каким образом это происходит?

В качестве примера «кодирования» Дж. Александр анализирует Холокост. Когда об освобождении союзниками узников концлагерей становится известно далеким от войны американцам, это событие, передаваемое в газетах и новостях, «должно было быть закодировано, взвешено и составиться в повествование (narrated)» [там же, 33]. В результате осуществления данного алгоритма феномен «Холокост» становится *смыслом*, содержанием, «образцом» настоящего зла в сознании американцев. Зачем необходимо кодирование зла? – «То, что было травмой для жертв, не было травмой для наблюдавших (audience)» [там же, 48], следовательно, необходимо *сделать* «Холокост» «культурной травмой», с которой американцы идентифицировали бы себя, чтобы потом использовать это слово в качестве «триггера», вызывающего определенную реакцию. Дж. Александр приводит множество примеров того, как это работает, в частности он анализирует речь Джорджа Буша, посвященную обоснованию необходимости бомбардировок Сербии в 1999 г., где риторическим акцентом стало упоминание «Холокоста» – главного символа массового истребления людей (в этой символике сербам была отведена роль «нацистов», совершающих «этнические чистки», а албанская сторона представлена как невинная жертва) [там же, 72]. Таким образом, Дж. Александр демонстрирует, что тот образ «Холокоста», который принят сегодня в мировой практике, создан американскими обладателями «способов производства символов».

Но убеждая читателей в необходимости универсализировать события, подобные Холокосту, исследователь сам находится внутри определенной ценностной системы, которая при стремлении к ее «универсализации» превращается в манипуляцию.

Рассуждая о «глобальном дискурсе, где доминирующими являются США и Западная Европа», даже рассуждая о Второй мировой войне, о нацистских концлагерях и их освободителях, Дж. Александер обходит деликатным молчанием вклад России («Советов») в победу над «радикальным злом» (по Канту), и причина этого в том, что сама страна ассоциировалась в сознании исследователя с «сакральным злом» (по Дюркгейму). Таким образом, очевидно, что «кодирование» не порождает универсальные понятия, которые будут единой мерой для «измерения» и «оценки» всех последующих социальных явлений.

Можем ли мы, следуя стремлению Б. Латура превратить социологию в метрологию, закодировать, по методу Дж. Александера, другое историческое событие, ввести мерилу воинской доблести и силы духа и назвать ее «Сталинград»? Как невозможно представить измерение боевого духа защитников Франции, тем более выразить его в «Сталинградах», так же невозможно присутствие «Сталинграда» в оправдывающей бомбардировки речи Джорджа Буша. Подобно тому, как эти предположения неосуществимы в исторической реальности, так и рассмотренные методы невозможно последовательно применять к социологическому анализу смыслов. В противном случае мы рискуем прийти к выводу о том, что смыслы, регулирующие поведение людей, навязаны «людьми от науки» (по Латуру) или владельцами «способов производства символов» (по Александеру).

Смыслы вроде «Сталинграда» не могут быть универсально закодированы, поскольку они ценностно-значимы и составляют основу сознания нации, и их историческое существование не зависит от воли неких субъектов, «использующих собственный вокабуляр и, следовательно, определенным образом фреймирующих режим истины» [Коломбо 2019, 9]. Вектор по «историзации» (Э. Коломбо) глобального научного дискурса предполагает «возвращение его универсалистских притязаний к тому специфическому контексту, в котором он создавался» [там же, 10].

Социальные институты как источники смыслов

Исследование «внешней», культурно и социально обусловленной стороны смысла обязательно предполагает такой подход, который будет учитывать исторический путь, который прошли и культура, и общество. Важность культурно-исторического аспекта выразилась в понятии *path dependence* (англ. зависимость от предшествующего развития). Д. Норт так пишет об этом: «Одним из самых основополагающих исторических регуляторов являются неизменные во времени образцы (*patterns*) человеческого взаимодействия, которые, подобно глубоководным источникам, питают деятельность (*performance*)» [North 1993 web]. Источниками *path dependence* автор считает «неформальные ограничители норм, соглашений, поведенческих кодов, которые глубоко укоренены в предшествующей культуре» [там же].

Д. Норт отмечает двоякое проявление *path dependence* в жизни общества, и оно связано с разграничением институтов и организаций: «Институты – это правила игры, а организации – это игроки, и они предусматривают (*entail*) разные способы моделирования» [там же]. Моделирование институтов как правил игры представлено в теории институциональных X-Y-матриц (ТИМ) С.Г. Кирдиной-Чэндлер. Институциональная матрица – это «устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической» [Кирдина 2014, 67]. Взаимообусловленность и взаимосвязанность общественных сфер свидетельствует о том, что определенный тип экономики в обществе оказывается связанным с соответствующим типом политики и идеологии, поскольку все три сферы «обща» работают на решение совместной задачи по выживанию и развитию всего общества. При таком понимании смысловая структура общественного сознания относится «к ведению» идеологической сферы, сложность исследования которой связана с теми же трудностями, с которыми сталкивается исследователь смысла. Подобно тому, как смысл направлен

«внутри» к индивиду и «вовне» к обществу, так и идеологическая сфера выражает себя в конкретных институциональных формах (принятые в обществе идеологемы – это «внутренний» план идеологии) и «соприкасается» с другими сферами жизни и должна с ними согласовываться («внешний» план идеологии). При этом фундаментальной для нашего понимания функционирования смысла является идея сложной диалектической взаимосвязи материального и идеального миров: «Поведение предопределяет способ восприятия среды так же, как степень рецепции среды определяет поведение» [Ухтомский 2019, 248].

Если в ТИМ на первый план выходит решающее влияние материально-технологической среды (то есть «обусловленной природными условиями общественной инфраструктуры», обеспечивающей жизнедеятельность населения [Кирдина 2014, 83]), то для Д. Норта формирование «институциональной матрицы» связано исключительно с деятельностью людей, поэтому исследователь придает больше значения ментальным конструктам, которыми люди оперируют в ходе своей деятельности и воздействия на окружающую среду. Изучение связи между ментальными моделями и окружающей реальностью можно осуществлять только в рамках междисциплинарного подхода. Как о положительном опыте в этой сфере можно говорить о сотрудничестве социологов и психологов в работе [Александров, Кирдина 2012]. Авторы выявили взаимосвязь между типами ментальности («западным» и «незападным») и институтами (соответственно, Y- и X-матриц), которая носит не однонаправленный, а морфологический, структурный характер, так что и ментальные, и общественные системы «в совокупности реализуют закрепившиеся в истории... пути осознания и достижения коллективных целей, стоящих перед сообществами людей – нациями и государствами» [там же, 6].

Но есть цели другого уровня, которые, собственно, и делают человека личностью, определяют его внутреннее «Я»: «мои цели... не затрагиваются объективной наукой, законы природы и общества не могут предписывать мне ни что я хочу делать, ни что я должен делать» [Кричевец 2017, 195]. На наш взгляд, личностный смысл как объект анализа наилучшим образом интерпретируется с позиций аксиологической психологии.

Личность как источник смысла

Для анализа личностных смыслов наиболее адекватны методы психологической науки. При этом общим местом психологического знания является обращение к естественным наукам [Велихов и др., 2018]. Так, с развитием компьютерных технологий функционирование сознания описывается с помощью вычислительного моделирования и создания соответствующих математических моделей работы сознания. В случае с математическими моделями велик соблазн буквально интерпретировать метафору «человек – это компьютер» и свести моделирование функций сознания к описанию известных алгоритмов.

На наш взгляд, с анализом личностных смыслов принципиально сочетается нефункциональный подход к личности, признание невозможности сведения личностного смысла ни к биологическому (физиологическому), ни к социальному уровням анализа. «Когда мы пытаемся сопоставить отношения (узкого) животного мира с (более широким) человеческим, а человеческий мир, в свою очередь, со (всеохватывающим) высшим миром, сравнение превращается в золотое сечение: малое относится к большему, как большее к целому» [Франкл 2017, 59]. Этот «всеохватывающий» мир В.И. Вернадский называл «ноосферой», а В. Франкл говорил о «ноологическом смысле», то есть о «высшем смысле», трансцендентном по отношению к человеческой жизни.

Психологи говорят о мотивах и установках деятельности, отвечающих на вопросы *как, почему и для чего*. Личностные смыслы отвечают на вопрос: «Ради чего?» – и «рождаются в сложных, многогранных соотношениях “меньшего” и “большего”, отдельных ситуаций, актов поведения к более широким... контекстам жизни» [Братусь 2019, 179]. Личностный смысл, таким образом, «не закреплен жестко за мотивом

(предметом) деятельности», а значит, он «не предметен... а скорее “межпредметен”» [Братусь 2019, 182], и это главное свойство личностного смысла свидетельствует об уникальности человека: в отличие от остальной живой природы, в человеке есть нечто, несводимое к «началам» живого вещества (В.И. Вернадский). Этот факт был подтвержден также в знаменитом психофизиологическом учении А.А. Ухтомского о доминанте, которое уходит корнями в физиологические опыты (первые определения доминанты описывают ее как очаг возбуждения в нервных центрах) и, произрастая на них, одновременно и «перерастает» их, поскольку оказывается фундаментальным жизненным принципом¹. Доминанты имеют свойство «уходить на глубину» и «всплывать на поверхность». Условием «всплывания» становится ситуация выбора, вызывающая необходимость поступка в соответствии с личностным смыслом. «В человеке всегда есть что-то, что только сам он может открыть в свободном акте самосознания и слова», поэтому любое «овнешняяющее и завершающее» определение о человеке будет неправдой; «он живет тем, что еще не завершено и еще не сказал своего последнего слова» [Бахтин 2017, 88].

Опыт междисциплинарного изучения смысла

Рассмотренные далее примеры отражают два типа междисциплинарного изучения смысла: 1) на основе «интегративной методологии» (термин Пьера Ливе); 2) при сочетании методологий.

Первым примером является приложение мезоанализа (метода, возникшего первоначально в экономике и социологии и выполняющего роль интегративной методологии) применительно к анализу смысла как психолингвистического объекта. В статье [Кузьмина 2020] мы показали, что психолингвистические единицы анализа – актуальные смыслы, выявляющиеся в результате ассоциативных экспериментов, обладают свойствами мезоструктур, изучаемых в рамках мезоуровневых социальных исследований. Мы отнесли к этим общим свойствам, дающим «зелёный свет» их междисциплинарному изучению, следующие: внешняя обусловленность системности («правила-институты» в социологии и «правила-доминанты» в психолингвистике), «промежуточность» (отнесенность к «мезоуровню») и бимодальная природа² [Dopfer 2015 web] этих единиц. То свойство единиц анализа, которое К. Допфер называет бимодальностью, Н. Луман, вслед за У. Матураной, называет аутопойезисом (или, в других переводах, автопоэзисом): «Аутопойетические системы представляют собой такие системы, которые в сети своих элементов порождают не только свои структуры, но и сами элементы, из которых они состоят» [Луман 2004, 68]. Смысл описывается Луманом как «медиум всех формообразований»: «смысл появляется и воспроизводится как “собственное поведение” определенных систем» [там же, 52].

Общность свойств указанных единиц ведет к сходству в выборе методов их анализа в разных науках (например, сетевой метод и метод полей используются в социологии и в психолингвистике). Как и институты в обществе, так и доминирующие смыслы, выявляющиеся в ходе ассоциативных экспериментов, являются теми неосознаваемыми «правилами», по которым действуют общества и индивиды. Таким образом, в результатах ассоциативных экспериментов мы имеем дело со *стереотипными* представлениями носителей языка, которые являются вербальным выражением культурных констант [Степанов 2004, 84–85], которые образуют культурную систему и «упорядочивают не только внешнюю реальность, но и себя в качестве компонента этой реальности» [Лурье web]. Это значит, что мезоанализ, предполагающий «опредмечивание» смысла в рамках интегративной методологии, является эвристичным инструментом для интерпретации результатов психолингвистических экспериментов. Но в данном случае верна и обратная процедура: ассоциативные поля могут стать источником знаний об актуальных закономерностях. В отличие от социологических опросов, обеспечивающих мнение-рефлексию, ассоциативные эксперименты дают сведения о культурных доминантах, которые *не осознаются* испытуемыми.

Вторым примером опыта междисциплинарности являются такие способы взаимодействия методологий, в которых для анализа массива психолингвистических данных применяется парадигма научной теории другой дисциплины. Например, психолингвистами отмечена тенденция «размывания» ядра ассоциативных связей за последние десятилетия, в которые проводятся ассоциативные эксперименты (подробнее см. [Бубнова и др. 2017].) Об этом свидетельствует рост числа единичных ассоциативных связей – показатель «индивидуализации» сознания [Гуц 2020]. Можно анализировать эти данные массовых ассоциативных экспериментов с помощью социологической теории институциональных матриц (ТИМ) [Кирдина 2014]. Выделяемые автором равнозначные и взаимозависимые «проекции» общества – экономика, политика, идеология – имеют различное институциональное «наполнение» в обществах двух типов матриц – X и Y. Смысловые доминанты, как мы отмечали выше, относятся к идеологической проекции общества. В России, где доминирует X-матрица, устойчивость общества поддерживается развитием базовых институтов коммунитарной идеологии (коллективизм, эгалитаризм, порядок, мотивация, ориентированная на благополучие, интегрализм) [там же, 190], при этом институты Y-матрицы тоже присутствуют в качестве комплементарных, и только в этом качестве, дополняя базовые институты, они обеспечивают гармоничное развитие общества. Комплементарными (то есть *дополнительными* к базовым) идеологическими институтами для России являются индивидуализм, стратификация, свобода, денежно-ориентированная мотивация, специализация [там же]. Распад ядра стереотипных представлений, который демонстрируют результаты ассоциативных экспериментов, свидетельствует об избыточности «веса» тех идеологических институтов, которые для устойчивого развития общества должны быть комплементарными. Налицо изменения структуры «усредненного» сознания носителей русского языка, по сравнению с советским периодом ([Уфимцева 2017; Шапошникова 2020]). Этот факт является, с одной стороны, еще одним подтверждением невыполнения существующими общественными институтами своей функциональной роли, а с другой стороны, указывает иные, помимо институциональных, параметры поиска «точек опоры» – не внешние, а внутренние мотивы форматирования «национальной идеи». По мнению В. Франкла, «в такую эпоху, как наша, то есть в век экзистенциального вакуума, первоочередной задачей образования должна быть не передача традиций и знаний, а укрепление той способности, которая позволяет человеку находить уникальные смыслы» [Франкл 2018, 81].

Таким образом, сочетание институционально-социологической и аксиологически ориентированной психологической методологий применительно к анализу данных психолингвистических ассоциативных экспериментов является перспективным направлением междисциплинарных исследований такого ускользающего, «межпредметного» объекта, как смысл.

Примечания

¹ «Доминанта есть не теория и даже не гипотеза, но преподносимый из опыта принцип очень широкого применения, эмпирический закон вроде закона тяготения» [Ухтомский 2019, 215].

² Свойство бимодальности, открытое К. Допфером, характеризует особый вид единиц: они одновременно представляют собой и способы организации объекта исследования, и воплощение этих структур в действительности [Dopfer 2015 web].

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Караулов 1987 – Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987 (Karaulov, Yuriy N., *Russian Language and Language Personality*, in Russian).

Остин 1986 – Остин. Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129 (Austin, John L., *How to Do Things with Words*, Russian Translation).

Павиленис 1984 – Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983 (Pavilionis, Rolandas I., *The Problem of Meaning*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

- Александров, Кирдина 2012 – Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 3–13.
- Бахтин 2017 – Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017.
- Братусь 2019 – Братусь Б.С. Аномалии личности. Психологический подход. М.: Никая, 2019.
- Бубнова и др. 2017 – Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017.
- Вебер web – Вебер М. Основные социологические понятия // Социологическое обозрение. Т. 7. № 2. 2008. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211833582/7_2_11.pdf
- Велихов и др. 2018 – Велихов Е.П., Котов А.А., Лекторский В.А., Величковский Б.М. Междисциплинарные исследования: 30 лет спустя // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 5–17.
- Гуц 2020 – Гуц Е.Н. Динамика вербально-семантического компонента языковой личности городского подростка // Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России. Тезисы Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 14–17 октября 2020 года. Новосибирск: Академиздат, 2020. С. 113–114.
- Иванов 2011 – Иванов В.В. Толерантность и ее значимость для XXI века // Эволюция ценностей в языках и культурах. М.: Пробел-2000, 2011. С. 19–36.
- Ильенков 2017 – Ильенков Э.В. Проблема идеала в философии. Гегель и герменевтика. М.: Либроком, 2017.
- Залевская 2014 – Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова: монография. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014.
- Кирдина 2014 – Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд-е 3-е. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.
- Коломбо 2019 – Коломбо Э. К глобальным социальным наукам? Некоторые предварительные размышления // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 3–18.
- Кричевец 2017 – Кричевец А.Н. О месте христианской психологии в системе наук // Христианская психология в контексте научного мировоззрения: коллективная монография / Под ред. проф. Братуся Б.С. М.: Никая, 2017. С. 183–195.
- Кузьмина 2020 – Кузьмина М.А. Мезоанализ – междисциплинарная методология социальных и гуманитарных исследований // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 27–36.
- Латур 2002 – Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6. С. 1–31.
- Латур 2014 – Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.
- Лекторский 2017 – Лекторский В.А. Зачем нужна сегодня философия // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 140–143.
- Луман 2004 – Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
- Луман web – Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. URL: <https://web.archive.org/web/20080131210548/http://www.socjournal.ru/article/175#f1>
- Лурье web – Лурье С.В. Обобщенный культурный сценарий и функционирование социокультурных систем. ЖССА. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obobschennyu-kulturnyyu-stsenariy-i-funktsionirovanie-sotsiokulturnyh-sistem>
- Пружинин 2019 – Пружинин Б.И. Герменевтика в России и нарративные аспекты понимания в современной методологии науки // Герменевтическая традиция в России: актуальные контексты и современные проблемы / Под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щединой. М.; СПб.; Белгород: ЦГИ Принт, 2019. С. 13–22.
- Степанов 2004 – Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004.
- Уфимцева 2011 – Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011.
- Уфимцева 2017 – Уфимцева Н.В. Этнопсихоллингвистика как раздел теории речевой деятельности // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. С. 21–96.
- Ухтомский 2019 – Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2019.
- Франкл 2018 – Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
- Хабермас 2001 – Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001.
- Шапошникова 2020 – Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Языки славянской культуры, 2020.

Шютц 2003 – Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологии-ческой социологии / Сост. А.Я. Алхасов. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение».

Яковлев 2019 – Яковлев А.А. Языковое сознание – часть индивидуального сознания или часть теории? // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2. С. 157–171.

References

Alexander, Jeffrey C. (2003) *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*, Oxford University Press, Oxford.

Alexandrov, Yuriy I., Kirdina, Svetlana G. (2012) “Types of Mentality and Institutional Matrices: a Multidisciplinary Approach”, *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. Vol. 8, pp. 3–13 (in Russian).

Bakhtin, Mikhail M. (2017) *Problems of Dostoevsky's Poetics*, Azbuka, Azbuka-Atticus, Saint-Petersburg (in Russian).

Bratus, Boris S. (2019) *Anomalies of Personality. Psychological Approach*, Nikea, Moscow (in Russian).

Bubnova, Irina A., Zykova, Irina V., Krasnykh, Victoria V., Ufimtseva, Natalia V. (2017) *(Neo)psycholinguistics and (Psycho)linguoculturology: New Sciences about Homo Loquens*, Gnosis, Moscow (in Russian).

Colombo, Enzo (2019) “Towards the Global Social Sciences? Some Preliminary Reflections”, *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. Vol. 9, pp. 3–18 (Russian Translation).

Dopfer, Kurt (2015 web) “Evolutionary Complexity Economics”, *Social Norms, Mechanism Designs and Collective Intelligence. Workshop at ETH, Zürich, 26–29 May, 2015*, URL: <https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/computational-social-science-dam/documents/education/Spring2015/gametheoryslides/Dopfer%20PowerPoint%20ETH%2027%20May%202015.pdf>

Frankl, Viktor E. (2018) *The Will to Meaning. Foundations and Applications of Logotherapy*, Alpina non-fiction, Moscow (Russian Translation).

Guts, Elena N. (2020) “Dynamics of the Verbal-semantic Component of the Linguistic Personality of an Urban Teenager”, *Universal and Specific in the Verbal Traditions of the Peoples of Modern Russia*, Abstracts of Reports at all-Russian Scientific Conference, Novosibirsk, October 14–17, 2020, Akademizdat, Novosibirsk, pp. 113–114 (in Russian).

Habermas, Jurgen (1983) *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*, Suhrkamp, Frankfurt am Main (Russian Translation).

Ilyenkov, Evald V. (2017) *The Problem of the Ideal in Philosophy. Hegel and Hermeneutics*, Librokom, Moscow (in Russian).

Ivanov, Vyacheslav V. (2011) “Tolerance and Its Significance for the XXI century”, *Evolution of Values in Languages and Cultures, Probel-2000*, Moscow. pp. 19–36 (in Russian).

Kirdina, Svetlana G. (2014) *Institutional Matrices and Development in Russia. An Introduction to X&Y Theory*, Nestor-Istoria, Moscow, Saint-Petersburg (in Russian).

Kritchevets, Anatoliy N. (2017) “On the Place of Christian Psychology in the System of Sciences”, Bratus, Boris S., ed., *Christian Psychology in the Context of a Scientific Worldview*, Nikea, Moscow. pp. 183–195 (in Russian).

Kuzmina, Maria A. (2020) “Mesoanalysis as an Interdisciplinary Methodology in Social and Humanitarian Research”, *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, Vol. 8, pp. 27–36 (in Russian).

Latour, Bruno (1983) “Give Me a Laboratory and I will Raise the World”, Knorr Cetina, Karin, Mulkay, Michael, eds., *Science Observed. Perspectives on the Social Study of Science*, Sage, London, pp. 141–170 (Russian Translation).

Latour, Bruno (2005) *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network Theory*, Oxford University Press, Oxford (Russian Translation).

Lectorsky, Vladislav A. (2017) “Why Philosophy Is Needed Today”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7, pp. 140–143 (in Russian).

Luhmann, Niklas (1987) “Was ist Kommunikation”, *Information Philosophi*, Marz 1987, pp. 4–16 (Russian Translation).

Luhmann, Niklas (1997) *Die Gesellschaft der Gesellschaft (I.1 Gesellschaft als soziales System)*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main (Russian Translation).

Lourié, Svetlana V. (2010 web) “Generalized Cultural Scenario and Functioning of Socio-cultural Systems”, *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*, Vol. 2, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obobschennyy-kulturnyy-stsenariy-i-funktsionirovanie-sotsiokulturnyh-sistem> (in Russian).

North, Douglass C. (1993 web) “Five Propositions about Institutional Change”, URL: <https://econpapers.repec.org/paper/wpawuwpeh/9309001.htm>

Pruzhinin, Boris I. (2019) “Hermeneutics in Russia and Narrative Aspects of Understanding in the Modern Methodology of Science”, Pruzhinin, Boris I., Shchedrina, Tatiana G., eds., *Hermeneutical*

Tradition in Russia: Current Contexts and Modern Problems, TSGI Print, Saint-Petersburgh, Belgorod, pp. 13–22 (in Russian).

Schutz, Alfred (web) *Edmund Husserl's Ideas, Volume II*, URL: <https://www.jstor.org/stable/2103940?seq=1> (Russian Translation).

Schutz, Alfred (web) *The Social World and the Theory of Social Action*, URL: <https://www.jstor.org/stable/40969428?seq=1> (Russian Translation).

Shaposhnikova, Irina V. (2020) *Modes of Identification of the Russian Language Personality in the Era of Change*, Languages of Slavic Culture, Moscow (in Russian).

Stepanov, Yury S. (2004) *Constants: Dictionary of Russian Culture*, Akademicheskyy Proekt, Moscow (in Russian).

Ufimtseva, Natalia V. (2011) *Language Consciousness: Dynamics and Variability*, Institut Yazykoznaniiya RAN, Moscow (in Russian).

Ufimtseva, Natalia V. (2017) “Ethnopsycholinguistics as a Branch of the Theory of Speech Activity”, Bubnova, Irina A., Zykova, Irina V., Krasnykh, Victoria V., Ufimtseva, Natalia V., *(Neo)psycholinguistics and (Psycho)linguoculturology: New Sciences about Homo Loquens*, Gnosis, Moscow, pp. 21–96 (in Russian).

Ukhtomsky, Alexey A. (2019) *The Dominant*, Piter, Saint-Petersburg (in Russian).

Velikhov, Eugeny P., Kotov, Artemy A., Lectorsky, Vladislav A., Velichkovsky, Boris M. (2018) “Interdisciplinary Consciousness Research: 30 Years on”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12, pp. 5–17 (in Russian).

Weber, Max (web) *Wirtschaft und Gesellschaft. Soziologische Grundbegriffe*, URL: https://www.academia.edu/7660389/Weber_Max_Wirtschaft_und_Gesellschaft (Russian Translation).

Yakovlev, Andrey A. (2019) “Language Consciousness: Is It Part of Consciousness or of a Theory?” *Voprosy Psiholinguistiki*, Vol. 2, pp. 157–171 (in Russian).

Zalevskaya, Alexandra A. (2014) *What's Behind the Word? Questions of Interface Theory of Word Meaning*, Direct-Media, Moscow, Berlin (in Russian).

Сведения об авторе

КУЗЬМИНА Мария Александровна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока, Институт филологии СО РАН, Новосибирск.

Author's Information

KUZMINA Maria Alexandrovna – CSc in Philology, Laboratory of the Verbal Cultures of Siberia and the Far East, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.